

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Бег по минскому полю

Как правильно сбежать из России через Беларусь и из Беларуси через Россию— истории и советы тех, у кого получилось

Пункт пересечения границы между Ракай в Литве и Петюлевцами в Беларуси. Фото: ЕРА-ЕFE/ВАЛДА КАЛНИНА

15:53, 12 апреля 2023,

Ирина Халип

специально для «Новой газеты Европа»

Алексей Москалев, бежавший из-под домашнего ареста в России и задержанный 30 марта в Беларуси, до своей экстрадиции на родину находился в Жодино, в СИЗО №8. Это одна из худших белорусских тюрем (лучших, впрочем, в стране нет). История страшная и дидактическая. Все, кто намерен бежать или эвакуироваться из России через Беларусь и наоборот, смогут сделать один очень важный вывод: ни в коем случае нельзя считать, что после пересечения условной белорусско-российской границы человек находится в другом государстве. Де-юре — да. Географически — да. Но у России и Беларуси с некоторых пор — единое силовое пространство.

Исчезнуть с радаров

Бегущие из своих стран россияне и белорусы — это почти всегда «из пунктов А и Б вышли навстречу друг другу два пешехода». Россияне бегут через Беларусь, белорусы — через Россию. И часто не осознают, что, оказавшись на территории соседнего государства, они всё еще в опасности. Включают телефоны, свободно общаются и перемещаются. Это нормально, если человек еще не в межгосударственном розыске, а просто чувствует возможную опасность. Тогда действительно проще всего сесть в маршрутку (на всякий случай, потому что билет на нее, в отличие от самолета, поезда и международного автобуса, берется на месте без предъявления документов) и уехать к соседям. А уже оттуда выезжать через границу.

И в России, и в Беларуси существуют, помимо списков невыездных и тех, кто в розыске, так называемые «вторые», «третьи» списки — неблагонадежных, тех, кто под наблюдением спецслужб. Пограничники должны докладывать о таких людях в спецслужбы, а дальше — как повезет: могут пропустить, могут по приказу устроить личный досмотр, а могут и не выпустить из страны. Но эти списки не являются общими для двух стран. Так что «неблагонадежные» белорусы

едут через Россию, а россияне — через Беларусь. Это нормально и работает до сих пор. Но если человек в розыске — тут уже совсем другая история и другие правила.

Наталья Радина. Фото: Хартия'97

Главный редактор белорусского сайта Хартия'97 Наталья Радина бежала без документов. 19 декабря 2010 года Наталья была арестована, как многие белорусы, в день президентских выборов. По обвинению в организации массовых беспорядков больше месяца отсидела в СИЗО КГБ, где ей говорили, что выйдет она через 15 лет. Потом Наталье изменили меру пресечения и отправили по месту прописки в Кобрин, к родителям (паспорт, к слову, остался в КГБ). Наташа продолжала редактировать сайт, и несколько раз ее увозила милиция на «беседы», где ей говорили, что если продолжит — вернется в тюрьму очень быстро. И когда Наташу вызвали в КГБ, в Минск, она решилась на побег. Вечером 30 марта 2011 года она села в поезд до Минска, но вышла ночью в Лунинце, где ее уже ждали с машиной.

— Несколько дней до выезда в Россию я еще находилась в Беларуси, — рассказывает Наталья Радина. — Друзья привезли меня к себе в небольшой город. Никакого телефона у меня, естественно, не было — свой я оставила в Кобрине. Никаких выходов в Интернет, никаких вестей о себе.

Друзья даже называли меня чужим именем, чтобы их дети во дворе или в школе случайно не сказали, что у них тётя Наташа гостит.

Я перекрасила волосы в рыжий цвет, а мои друзья, успевшие выехать еще до того, как за ними пришли, благополучно запустили в медиа «дезу», что я нахожусь в Польше в лагере беженцев. Один приятель даже позвонил из Польши моим родителям и сказал, что я там и со мной все в порядке. Это было нужно, чтобы запутать следы. Кстати, потом какие-то неизвестные мне добровольцы анонсировали мою прессконференцию в Лондоне, указав место и время. В любом случае, надеюсь, нам удалось убедить их в том, что меня уже вывезли из Беларуси, и на границе с Россией никаких засад не было.

А потом в Москве я застряла на четыре месяца, пока по линии ООН мне сделали документ, по которому я смогла выехать. Так вот, базовые принципы безопасности, которые я соблюдала и которые нужно соблюдать каждому, кто находится в процессе побега:

- вообще не брать с собой свой телефон;
- не заходить в свои аккаунты в соцсетях даже с чужих компьютеров;
- не связываться с близкими.

Последнее тяжелее всего, я знаю. Я не могла поговорить с

родителями четыре месяца. Но это необходимость. Потому что когда человека ищут, под контролем и его контакты. Позвонишь близкому родственнику с чужого телефона — определят местонахождение, по крайней мере географическое, и дальше им будет проще. На время бегства, увы, нужно исчезнуть с радаров в буквальном смысле этого слова.

После Наташиного исчезновения с обысками приходили ко всем, с кем она общалась во время нахождения под подпиской о невыезде. Дом родителей перевернули вверх дном. Других находящихся под подпиской участников протестов вынуждали сидеть в «Скайпе» и каждые полчаса давать о себе знать. Если бы Радина вышла на связь — неважно, из небольшого города в Беларуси в первые дни или из Москвы позже, — установили бы, где она находится. А так — после полного исчезновения и удачно вброшенного фейка о том, что Наташа в Польше, спецслужбы приутихли.

Родной Кобрин Наталья покинула в конце марта и только в конце июля добралась до Литвы. Сейчас Наташа живет в Варшаве, по-прежнему редактирует Хартию'97 (с 2018 года доступ к сайту заблокирован и в Беларуси, и в России, а в прошлом году его признали «экстремистским формированием») и надеется, что паспорт ей скоро вернут новые демократические власти Беларуси.

Чемодан — вокзал — Литва

В Литве, кстати, работает волонтерская организация «Дапамога». Она помогает белорусам, спасающимся от преследования, эвакуироваться из страны и адаптироваться в Литве. Полтора года назад «Дапамога» открыла шелтер под названием «Белорусский замок», где могут размещаться беженцы. Но принимают там не только белорусов. Украинцы и россияне тоже находили и находят в «Замке» временный приют.

Наталия Колегова. Фото: Фото: Хартия'97

— По опыту нескольких моих российских подопечных, которым я помогала уже в Литве, — говорит директор «Дапамогі» Наталия Колегова, — могу рекомендовать россиянам (из тех, что еще не в розыске и имеют небольшой временной запас) садиться в калининградский поезд. Он не останавливается на пассажирских станциях Литвы, но у этого поезда есть техническая остановка на станции Кена, это почти сразу же после белорусско-литовской границы.

Пассажирам выходить запрещено, но двери проводники открывают, чтобы литовские пограничники могли при необходимости войти в вагоны. Так вот, на этой технической станции нужно просто быстро выйти из вагона. У проводника нет полномочий и инструкции силой удерживать пассажира.

Как только окажешься вне поезда — бежать к пограничникам и просить политического

убежища. Только нужно заранее подготовить объяснение, почему ты просишь политического убежища.

У меня была история с одним россиянином, который от волнения начал мямлить и был в результате выдворен с территории Литвы.

Можно также выезжать из Беларуси через небольшие пункты пропуска. Разумеется, не со своим телефоном и с другой симкартой. Ну а если человек уже в розыске, то единственный вариант — это нелегальный переход границы.

Тропой мигрантов по болотам

Нелегально белорусско-литовскую границу летом 2021 года перешел находившийся в розыске Андрей Шарендо, активист «Европейской Беларуси». Семья Шарендо из Бреста, их с женой Полиной там знают и уважают. У них двое детей. Полину Шарендо-Панасюк арестовали 3 января 2021 года. Андрей в это время сидел по административной статье (в общей сложности, с постоянными добавлениями новых 15 суток он тогда отсидел больше двух месяцев).

Полину приговорили к двум годам лишения свободы — по статьям «оскорбление Лукашенко», «оскорбление представителя власти» и «насилие в отношении сотрудника милиции» (насилие выражалось в том, что Полина, находившаяся дома с четырехлетним сыном, сорвала балаклаву с одного из ворвавшихся туда силовиков). Потом ей добавили еще год за неподчинение администрации колонии, и сейчас готовится уже третий суд.

Андрей и Полина Шарендо. Фото: Вясна

Когда Полина уже сидела в СИЗО, в отношении Андрея возбудили уголовное дело по двум статьям: «оскорбление Лукашенко» и «призывы к действиям, направленным на причинение вреда Республике Беларусь». Его поместили под домашний арест. Полина из СИЗО передала через адвоката просьбу к мужу — бежать и вывозить детей. Если бы оба отправились в колонию, детей могли бы забрать в приют.

Суд над Андреем Шарендо был назначен на 28 июня 2021 года. Но в суд он не явился и был объявлен в розыск. А 2 июля вышел на связь из Литвы.

— Я бежал за несколько дней до суда, — рассказывает Андрей. — Переходить границу должен был нелегально, а это требует подготовки. Неделю я жил у друзей в одном из приграничных городков. В ночь на 2 июля совершил десятикилометровый переход.

Телефон у меня был новый, с новой сим-картой, зарегистрированной на другого человека. Вообще это тоже опасно: могут запеленговать сигнал и понять, что в пограничной зоне находится человек. Но благодаря мигрантскому кризису в приграничье куча стихийных лагерей,

у большинства есть телефоны, так что сам по себе сигнал в этой ситуации был менее опасным. К слову, с тех пор как появились толпы мигрантов, именно литовскую границу белорусы контролировали хуже, чем обычно. Так что мигранты беглецам как раз на руку.

Со мной была еще одна активистка, которая срочно эвакуировалась. Мы шли к месту перехода ночью через лес, под проливным дождем. И метрах в 300 от того места, где предполагали перейти границу, напоролись на лагерь мигрантов. С ними были пограничники.

Над лагерем был натянут военный тент. И мы просто побежали. Сначала попали в болото, но потом все-таки оказались на территории Литвы и сдались пограничникам.

Кстати, сразу за нами, как оказалось позже, через границу прошла большая группа мигрантов. А пока я прятался в приграничном городке, друзья оттуда рассказывали, как к границе подвозят мигрантов целыми автобусами. Поскольку мы шли пешком, телефон мне был нужен исключительно в качестве навигатора, чтобы добраться пешком до границы, это семь километров. Но если кто-то подвозит, если есть надежный проводник, тогда телефон лучше с собой не брать.

Приграничье живет контрабандой

Правозащитница Елена (единственная, кто попросил изменить имя и не указывать фамилию) перед бегством в декабре 2021 года свой телефон оставила включенным на диване.

Поговорила с коллегой, сказала, что очень замерзла на улице и теперь будет принимать горячую ванну, — и вышла из

квартиры.

Снаряд, можно сказать, просвистел в миллиметре: к ней пришли через 20 минут после того, как она ушла из дома. Об этом она узнала от соседки спустя несколько дней, когда находилась в безопасности и вышла на связь. «Причем пришли, соседка сказала, с кувалдой. Идиоты! — делится Елена. — У меня дверь открывается наружу — чем бы им помогла кувалда?»

Женщину обвиняют по трем статьям УК. Но к побегу Елена успела подготовиться — правозащитное чутье подсказало, что пора. Ушла бы и раньше, не за 20 минут до их появления, да холодильник чистила, чтобы выключить — предполагала, что вернется не скоро.

После начала протестов в 2020 году в Беларуси появился черный рынок сим-карт. Товар быстро стал ходовым, Елена за «левую» сим-карту выложила 50 долларов: «Я бы и 200 заплатила, свобода дороже. Ничто нас так не палит, как телефон». С рук она купила старый перепрошитый айфон. Но в дороге им не пользовалась — просто держала при себе на всякий случай, чтобы успеть отправить сообщение, если все-таки задержат.

После выхода из дома Елена переночевала в педикюрном кабинете своей близкой подруги, которая снабдила ее ключами. Утром отправилась в путь. На маршрутках — в Россию, потом на российско-украинскую границу, в Брянскую область.

— Сейчас, во время войны, этой возможности перехода границы уже не существует, — говорит Елена. — А до войны в последние два-три года ею активно пользовались и белорусы, и россияне. К примеру, в какую точку мне ехать и где меня будут ждать, я знала благодаря моим знакомым, которые перешли границу и спаслись от тюрьмы намного раньше. А вот они поехали наобум. И полдня просидели на лавочке где-то в приграничном российском городке, размышляя, что им теперь делать и куда

тыкаться.

А потом как-то слово за слово — познакомились с местными, и те их безошибочно отправили к нужным людям. Так что их контакт мне потом передали, и меня ждал человек, с которым я на месте расплатилась. Не буду называть конкретный населенный пункт, чтобы не подставить тамошних жителей. Но действительность очень проста: все приграничье живет контрабандой. До войны так жила российско-украинская граница, так же много лет живет и белорусско-литовская граница. Местные знают все ходы-выходы, все дыры и все партизанские тропы. Белорусы тащат в Литву сигареты, россияне и украинцы тогда, до войны, просто с легкостью тудасюда перемещались, потому что какие-то товары и продукты дешевле в одной стране, какие-то — в другой. Ну и параллельно заработать денег на помощи нелегалам — почему нет?

Я заплатила всего-то 120 долларов и прошла в Украину спокойно, без всяких болот и патрулей (правда, через два месяца началась война, и пришлось из Украины бежать в Польшу, но это уже было легально). Так что тем, у кого времени в обрез, а нужных контактов нет, спокойно можно советовать ехать в белорусские деревни рядом с литовской границей, особенно теперь, когда Украина закрыта. Местные всё знают и за умеренные деньги помогут.

Кстати, главное, о чем забывают многие,

оказавшись в ситуации «головокружения от успехов» и чувства безопасности: они начинают звонить знакомым и забывают, что первым делом нужно сдаться пограничникам и попросить убежища.

Мои друзья так «попали» в Литве: к ним потом было очень много вопросов на тему «А какого черта вы пошли пиво пить в бар вместо того, чтобы идти к офицерам и просить убежища?». Первым делом нужно зафиксировать официально свое появление на территории другого государства, объяснить причины — и только потом пить пиво.

Молчание — золото

Все, с кем я разговаривала, сошлись в главном: самая опасная вещь в побеге — это телефон. Алексей Москалев сбежал 27 марта, а задержали его в Минске 30 марта. Едва ли он включил телефон на минуточку — связаться с дочкой — и через пару минут был уложен лицом в пол. Скорее всего, он включал его несколько раз или вообще не отключал на территории Беларуси, ошибочно предположив, что находится уже в безопасности. Железное правило: ни в коем случае не выходить на связь с близкими, чьи телефоны и мессенджеры немедленно окажутся под контролем.

И еще одна важная вещь, о которой синхронно говорили успешно убежавшие. Тем, кто участвует в процессе эвакуации, следует закрыть рот и не открывать его до тех пор, пока человек не окажется в безопасности. Бывшая сотрудница Первого канала Марина Овсянникова, вольно или невольно, здорово подставила Алексея Москалева своим поспешным сообщением в твиттере насчет того, что он «в надежных руках». Учитывая, что сама Овсянникова уходила через Беларусь, она тем самым дала силовикам четкий сигнал, где его искать. Его и нашли. Поэтому или полное, глухое, железное молчание — или сознательно вбрасываемая дезинформация, как в случае с Натальей Радиной.

Радина вышла из поезда на станции Лунинец. Оттуда до польской границы — 200 километров. Так что теоретически Наталья могла оказаться на территории Польши еще до того,

как ее поезд прибыл в Минск. Собственно, именно такие версии и рассматривали спецслужбы, только сомневались, прямо в Польшу она отправилась или через Украину, до границы с которой от Лунинца всего 50 километров. И в Беларуси ее уже не искали, что помогло добраться до России. А если бы кто-то из знакомых с важным видом сообщил бы, что Наталья в надежных руках и скоро будет на воле, — бросились бы искать и, возможно, нашли бы.

Так что опыт удачных побегов подсказывает два самых простых правила. Тем, кто бежит, — расстаться с телефоном, даже если жаль, и не связываться с близкими до попадания в цивилизованный мир. Тем, кто помогает, — закрыть рот на амбарный замок. И самое главное и для российских, и для белорусских беглецов — не считать, оказавшись на соседней территории, что самое страшное позади и ты уже вне зоны влияния отечественных спецслужб. Зона у нас одна.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Я верю в суперкаждое действие»

Мария Алехина на свободе и поет. Очерк Елены Костюченко

11:00, 25 мая 2022, Елена Костюченко

<u>Как я сбежала в Америку</u>

Репортаж специального корреспондента Елизаветы Кирпановой из иммиграционной тюрьмы в США, в которой она провела 16 дней

20:01, 9 июня 2022, Елизавета Кирпанова

«Красивое место, где живут лицемеры»

Спецкор Ирина Кравцова рассказывает историю дагестанских сестер, которым удалось бежать из России

13:45, 1 ноября 2022, Ирина Кравцова

«I love you. Ты герой. Мой герой»

Маша Москалева написала письмо из приюта своему отцу, который сбежал перед приговором по делу о «дискредитации армии». Просто прочтите его

14:47, 29 марта 2023,

«ОВД-Инфо»: Алексея Москалева, сбежавшего перед приговором по делу о «дискредитации» армии, экстрадировали из Беларуси в Россию

14:01, 12 апреля 2023,